

классическому периоду": когда в моду лез самозванец-верлибр, Охапкин хотел возродить силлабику!» (Бетаки В.— С. 231).

Поэзии О. «свойственны повествовательность, раздумчивость» (Казак В. Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996. С. 300). С этим «замедленным» тоном гармонирует и обилие насыщающих ее архаизмов: «Всеблагодатен огонь Творца», «Нужна премногая любовь», «Встречь Духа Божьего возжег», «Всей плоти моя», «Последняя зане жизнеобязнь»; лексически: «сей», «тщась», «бысть», «емлю» и т. д.

Особенная новизна и свежесть стихов О. заключается «в том, что чем строже внешний их вид, тем более неожиданны образы: „Но есть надежда, что поэт / Распашет плоть свою, как почву, / И передаст ее, как почту, / Творцу, оставив свой скелет / Некошеной траве во славу, / Дождям и ветру на забаву, / Так и не вымолвив секрет“ <...> Само сочетание слов „Творец“ и „почта“ — их несовместимость — огниво и кремь!» (Бетаки В.— С. 231). По наблюдению этого же исследователя, принцип контрастности играет в поэзии О. вообще значительную роль. Это контраст между крайней количественной ограниченностью рифм («сверхскованная рама») и энергией метафор, под напором которой эта «рама», можно сказать, «взрывается», контраст между высоким стилем и жаргонной лексикой, контраст между образами Эллады и «болота», с помощью которых воссоздается поэтом облик Петербурга: «За надрывную муку орфических струн / Заклинаю тебя, фальконетов бурн: / Вознеси мою душу превыше коня, / Или призрачный всадник раздавит меня!» «Само понятие призрачности рядом с „раздавит“ — контраст невыносимый! Но он и дает стереоскопическое восприятие стиха» (Там же. С. 232). Подводя итог своим наблюдениям, автор обобщает: «Поэт контрастной мысли, совсем неклассической метафоры при классической музыке, Охапкин эту свою двойственность выразил в стихотворении „Сфинкс“. Сфинкс — символ неразрешимой борьбы между двумя началами в каждом человеке <...> Контрастность во всем — вот облик этого поэта, сказавшего о себе так: „Азиец, славянин, отчасти финн, варяг... / Олег от имянин и от богатства — наг, / Так от природы гол, как все вокруг, увы, / По матушке сокол, по отчеству — с Невы“» (Там же. С. 231–232).

Обладая столь богатыми, разнообразными средствами выражения, О. в своих интерпретациях образов мировой поэзии умеет в отдельных случаях достигать подлинного уровня их оригинала: «О, песнь моя! Завихренная роза! / Ты — выдох вся, и тут же долгий вздох. /

Вся — воздух, трепет вся, простоволоса. / Тебя вдохнул в меня никто как Бог. / Дыши во мне, душа, о, Суламита! / Пьяни и преизлейся через край! / Вся плоть моя, вся жизнь тебе открыта, / Лишь этой розой наддышаться дай! <...> Я — твой певец, хвала твоя, певец, / Хвала твоя, и эта аллилуйя / — Лишь ты сама во власти поцелуя, / И в нас поет незримый нам Творец» («Семь песен единой песни», 1973).

Соч.: Стихи. Париж, 1989; Плающая купина. Л., 1990; Возвращение Одиссея. СПб., 1994; Ночное дыхание. Глухие голоса. В мире непогода... и др. // Поздние петербуржцы. Поэтическая антология. СПб., 1995; Письма к К. Кузминскому // У голубой лагуны: Антология новейшей русской поэзии: в 5 т. НьютонВилл, 1983, Т. 2А; Моление о чаше. СПб., 2004.

Лит.: Кузминский К. Олег Охапкин // У голубой лагуны: Антология новейшей русской поэзии: в 5 т. НьютонВилл, 1983. Т. 2А; Бетаки В. Гармония контрастов // Бетаки В. Русская поэзия за 30 лет 1956–1986. Antiquary, 1987; Кучерявкин В. [Предисл.] // Охапкин О. Плающая купина. Л., 1990; Кушнер А. Незримый свет // Новый ж. Л., 1991. № 4; Стратановский С. Религиозные мотивы в совр. русской поэзии // Волга. 1993. № 6; Арьев А. Шагнув из темноты // Охапкин О. Возвращение Одиссея. СПб., 1994; Топоров В. [Очерк-эссе об Охапкине] // Поздние петербуржцы. Поэтическая антология. СПб., 1995; Мартынов И. [Рец.] // Новый ж. Нью-Йорк. 1995. Кн. 201.

А. И. Михайлов

ОЦУП Николай Авдеевич [23.10(4.11). 1894, Царское Село — 28.12.1958, Париж] — поэт, литературовед, мемуарист.

О.— потомок испанских или португальских евреев, носивших фамилию Лопес или Лопец. Отец поэта, в молодости принявший православие, служил секретарем заводчика Шмидиа в Петербурге. Трое двоюродных братьев О.— Александр, Иосиф и Петр — известные фотографы. Разнобой с ударением в фамилии (Оцуп и Оцүп) вызван тем, что в эмиграции, приняв французское подданство, поэт и фамилию свою стал произносить «на французский лад» — с акцентом на последний слог.

О. учился в Царскосельской гимназии, связанной в истории русской лит-ры в первую очередь с двумя именами: ее директора И. Анненского и закончившего ее Н. Гумилева. Любопытно, что старшеклассник О. будет приглашен репетитором в семью Хмара-Барщевских, родственников Анненского, а позднее судьба сведет его и с Гумилевым.

Окончив гимназию в 1913 с золотой медалью, О. уезжает в Париж, где слушает в Коллеж де Франс лекции Анри Бергсона. В связи с объявлением войны он возвращается в Пе-

тербург, где поступает на историко-филол. ф-т Петербургского ун-та. Начав писать стихи в гимназические годы, в 1916 О. уже «принят» у Мережковских. В 1918 он поступает на работу в изд-во «Всемирная лит-ра». Там он знакомится с Н. Гумилевым и вскоре становится активным членом 3-го «Цеха поэтов». Первый поэтический сб. О. «Град» увидит свет в год гибели Гумилева (1921). Печально, что и брата О. Павла постигнет та же участь. К. Чуковский в дневнике 19 янв. 1920 запишет: «Вчера утром звонит ко мне Ник. Оцуп: нельзя ли узнать у Горького, расстрелян ли Павел Авдеич (его брат). Я позвонил, подошла Марья Игнатьевна.— Да, да, К. И., он расстрелян...» (Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 139). Два др. брата О. оставят свой след в русской лит-ре, во всяком случае — в ее эмигрантской «ветви». Это Александр и Георгий Оцупы, известные под псевдонимами — Сергей Горный и Георгий Раевский.

Осенью 1922 О. эмигрирует в Германию, где развивает активную издательскую деятельность: переиздает три альм. «Цеха поэтов», выпускает новый, четвертый. Во Францию, куда он переезжает, выходит второй поэтический сб. О. «В дыму» (1926) и отдельно изданная поэма «Встреча» (1928). В 1930 в Германии выходит краткий обзор русской послереволюционной поэзии О. «Die neue russische Dichtung».

В 1930–34 О.— главный редактор парижских «Чисел», в программе которых оппоненты усматривали как «эстетизм», так и нарочитую «аполитичность». Впрочем, О., как главный редактор ж., открыто объявлял, что отказывается «философию Бергсона и романы Пруста обсуждать не иначе, как в смысле их пригодности для борьбы с коммунизмом» (Оцуп Н. Современники. Париж, 1961. С. 142), к чему склонялись более воинственно настроенные литераторы как по одну, так и по другую (с заменой «коммунизма» на «капитализм») сторону «железного занавеса». Во второй половине 1930-х О. начинает работу над «Дневником в стихах» и пишет роман «Беатриче в аду» (1939), посвященный жизни русского Монпарнаса.

После объявления войны (1939) О. записался добровольцем во французскую армию. Был арестован в Италии, бежал из тюрьмы, снова арестован и заключен в концентрационный лагерь. После нового побега он до конца войны сражался в рядах итальянской партизан, был удостоен воинских наград.

В 1950 увидел свет «Дневник в стихах» О. С 1951, получив в Сорбонне докторскую степень за работу о Гумилеве, О. преподает

Н. А. Оцуп

в высшей школе «Эколь Нормаль». В 1958 он пишет пьесу «Три царя», а в 1961, уже после смерти поэта, выходит двухтомное собр. стих. О. «Жизнь и смерть» и двухтомник его литературоведческих работ.

Г. Струве свой очерк об О.-поэте заканчивал так: «Придет, пожалуй, время, когда Оцуп-лирик будет поставлен выше Георгия Иванова с его нигилистическим „эпатажем“» (Струве Г.— С. 219). Сама по себе попытка сравнения с Г. Ивановым, на тот момент безусловно «поэтом № 1» эмиграции, для любого была бы почетной. Другой вопрос: имел ли подобный прогноз под собой реальную почву? Пожалуй, нет, ибо вызван был в первую очередь личной неприязнью Струве к Г. Иванову.

П. Бицилли писал о сб. О. «В дыму» (1926): «...стихи О. доставляют то — большое — удовольствие, что никакой „прием“ из них не выпирает и что „формализму“ здесь поживиться нечем» (Океан времени.— С. 592). В финальном четверостишии сб. «расшифровывалось» его название: «Но, знаешь, я уверился в дыму / Страстей и бедствий, проходящих мимо, / Что мы не помогаем никому / Печально, временами нестерпимой». Итак, установка на естественность поэтической речи (отсутствие «приемов»), стоически-христианское преодоление «дыма страстей»... Добавим к этому сдержанность, сосредоточенность, внутреннюю порядочность — прекрасные человеческие качества, которыми, по мнению ряда современников, в полной мере был наделен О., но которые, наверное, едва ли способствуют реализации собственно лирического начала. В лирике О., строго выдержанной в акмеисти-

ческих традициях, нет откровенных провалов. Но, к сожалению, не так много и «парений».

Наибольшей поэтической удачей О. следует признать уникальный «Дневник в стихах», «своего рода лирический роман в форме не столько дневника, сколько испещренного бесчисленными отступлениями и размышлениями повествования» (Струве Г.— С. 218), роман в стихах, более чем в 2 раза (16 000 строк) превышающий по объему «эталон жанра» — «Евгения Онегина». О., любитель и большой знаток творчества Данте, проводит своего лирического героя через «земного Ада» XX столетия в сторону «Рая» — земной, но обладающей несомненной «трансцендентальной проекцией» любви.

В качестве литературоведа именно О. ввел в употребление словосочетание «Серебряный век» применительно к русскому культурному Ренессансу начала нашего столетия (статья «„Серебряный век“ русской поэзии», 1933). Впрочем, точности ради следует заметить, что термином «Серебряный век» пользовались и немецкие литературоведы XIX в. (применительно к послегеттевской эпохе), и Вл. Соловьев, прилагая его к поэзии Фета, Тютчева и Полонского, а В. Розанов в «Мимолетном» (1915) без каких-либо оговорок использовал выражение «Серебряный век» в нынешнем значении. Правда, «Мимолетное» было издано уже в наше время.

Соч.: Океан времени: Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях. СПб., 1993; 1994.

Лит.: Аллен Л. С душой и талантом...: Штрихи к портрету Николая Оцупа // Оцуп Н. Океан времени. СПб., 1993; Бицилли П. О Н. Оцупе // Совр. записки. 1928. № 35; Оцуп Р. Оцупы — моя семья. СПб., 2004; Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. Париж; М., 1996.

В. Ю. Бобрецов

ОШАНИН Лев Иванович [17(30).5.1912, Рыбинск Ярославской губ.— 31.12.1996, Москва] — поэт, поэт-песенник.

Родился на Волге, но с 10 лет жил в Москве. Не успев окончить школу, пошел работать, был чернорабочим, токарем на заводе в Сокольниках. По командировке от ж. «Огонек» проработал три с половиной года в Хибиногорске на апатитовой обогатительной фабрике, затем был директором клуба горняков, редактором «Комсомольской страницы», разъездным корреспондентом городской газ. Ныне — почетный гражданин г. Хибиногорска.

Писать стихи начал рано: первое произведение — повесть из школьной жизни «**Этажи**» (1930). Стихи в 1930-е печатал

Л. И. Ошанин

в ж. «Рост», «Огонек», «Молодая гвардия». В 1937 издал «**Песнь о Кузьморе**». В конце 1930-х обратился к песне: «В музыке я жил с детства. Мать моя преподавала в музыкальной школе, два брата стали певцами, сестра была пианисткой. Один я из всей семьи не научился играть на рояле. Для меня музыка обернулась словами песни» (Как создавалась песня. С. 6). В 1937 была написана песня «**Над родным Симбирском**», в 1938 в ж. «Знамя» появилась песня «**Тайга**». С композитором К. Корчмаревым написал тогда же песни «**Грудью встань за Советскую землю**» и «**Мне потерять тебя нельзя**» (грампластинка с последней песней разошлась тиражом более 1 млн экземпляров). За 2 года до войны окончил Лит. ин-т им. М. Горького. Песни были написаны также с А. Хачатуряном, Б. Трошиным, в 1940 с К. Листовым — песни «**Разведка**» и «**Если любишь — найди**». Эта песня стала широко популярной.

Не состоял на военном учете по состоянию здоровья (слабое зрение), но во время Великой Отечественной войны выезжал на передовую (Западный, 3-й Белорусский, Карельский фронты). Работал в военных газ., выступал перед бойцами, писал новые песни. В 1943–45 были написаны песни «**В белых просторах**», «**Это ничего**», «**Дороги**», «**Ехал я из Берлина**», «**Возвращение**». Песня «Дороги» — одна из трех лучших песен войны, по мнению Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Песенная лирика передает драматизм военного времени: «Эх, дороги... / Пыль да туман, / Холода, тревоги / Да степной бурьян». Песенная лирика утверждает бессмертие героических свершений в благодарной памяти: «Снег ли, ветер. / Вспомним, друзья,— / Нам дороги эти / По-забыть нельзя!» Развивается тема патриотиз-